

МИР РУССКОГО СЛОВА И ЕГО ЦЕННОСТНОЕ НАПОЛНЕНИЕ

The World of the Russian Word and its Value Content

Элеонора Дюсеновна Сулейменова
eisuleim@gmail.com

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Владимир Павлович Синячкин
sinyachkin_vp@rudn.university

Российский университет дружбы народов (РУДН) (Москва, Россия)

Eleonora D. Suleimenova
eisuleim@gmail.com
KAZNU (Almaty, Kazakhstan)

Vladimir P. Sinyachkin
sinyachkin_vp@rudn.university
RUDN University (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 11.04.2019

Fecha de evaluación: 03.12.2019

Cuadernos de Rusística Española n° 15 (2019), 29 - 40

РЕЗЮМЕ

В настоящей работе идет речь о системе ценностей русской языковой картины мира, благодаря которой процесс межкультурной коммуникации в рамках педагогического взаимодействия между преподавателем и обучающимися становится более успешным.

Цель работы – описание основных ценностей (ОЦ) русской культуры, в частности, концепта «ЛЮБОВЬ». Используя методы психолингвистики и возможности корпусной лингвистики, автор дифференцирует базовые для русского языкового сознания семы исследуемого конструкта. Результаты статьи будут полезны для теории межкультурной коммуникации, в практике РКИ, при методической выборке текстов для чтения и их обсуждения в аудитории.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культура, языковая картина мира, ценности культуры, психолингвистика, корпусный метод

ABSTRACT

This paper deals with the system of values of the Russian language picture of the world, thanks to which the process of intercultural communication within the framework of the pedagogical interaction between the teacher and the students becomes more successful.

The purpose of the work is to describe the core values (OC) of Russian culture, in particular, the concept of “LOVE”. Using the methods of psycholinguistics and corpus linguistics, the author differentiates the components of the studied construct, which are basic for the Russian language consciousness. The results of the article will be useful in the practice of practice of language teaching, with a methodical selection of texts for reading and discussion in the audience, within the framework of the theory of intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, culture, language picture of the world, cultural values, psycholinguistics, corpus method

В современном мире информационных сверхскоростей и размывания границ (если не географических, то, по меньшей мере, семиотических) за языком остаются его главные функции: обеспечивать коммуникацию, воздействовать и влиять. Последнее звучит радикально, но речь идет не только о широком влиянии СМИ. Скорее, о влиянии узуальном. В процессе повседневного общения каждый из нас формирует определенные фрагменты индивидуальной картины мира, «отпечатки» мира реального, преломленные сквозь психические особенности частного восприятия. Преломление реальности сквозь призму восприятия – не метафора, а объективный нейрофизиологический процесс. По мысли И. Канта, нам не дано познать «вещь в себе», существующую в объективной реальности вне зависимости от нашего восприятия. Как пишет известный нейрофизиолог Б. Лотто, «мы не видим реальности. Мир существует, но проблема в том, что мы не видим его таким, каков он есть, потому что наш мозг не приспособлен это делать. <...> Мы воспринимаем окружающую действительность не только посредством пяти чувств. Восприятие имеет значение. Оно основа всего, о чем мы думаем, что знаем, во что верим...» (Лотто 2018: 14-15).

Упомянутые фрагменты постепенно складываются в некую картину мира, которую коммуникант «несет с собой» и транслирует другим участникам коммуникативного события. Его задача – не просто быть понятым и таким образом добиваться коммуникативного успеха; она в том, чтобы убедить другого посмотреть на обсуждаемое событие через призму его – адресанта – картины мира. Коммуницируя, мы приглашаем участников процесса в собственный когнитивный «заповедник», чтобы разделить с ними *общность восприятия мира*.

Этот принцип распространяется не только на личностные взаимоотношения, но и на межкультурную коммуникацию в целом. Поэтому, говоря об изучении русского языка, мы не можем не говорить и об изучении «русского мира» (С.Г. Тер-Минасова 2016: 14). Как отмечает исследователь, «этот важнейший новый принцип изучения и преподавания иностранных языков основан на простом, но до сих пор не вполне осознанном и признанном факте: нашим партнерам по межкультурному общению нужно от нас не столько знание их мира (это нужно нам для более эффективной коммуникации), сколько знание нашего мира. Иными словами, иностранцы будут общаться с нами не для того, чтобы узнать от нас о своем мире, а для того чтобы получить информацию о нашем, Русском Мире – о мире современной России. И именно этот – важнейший! – принцип обучения иностранному языку в современных условиях не получил еще ни всеобщего признания, ни широко распространения, ни отражения в учебниках иностранного языка» (Тер-Минасова 2016: 14).

Приглашая обучающихся в мир русского слова, мы исходим из нескольких базовых установок:

1. В скоррелированных языковых моделях мира частично совпадают определенные вербализованные материальные объекты (универсалии, основа для взаимопонимания).
2. В скоррелированных языковых моделях мира не совпадают либо отсутствуют вербализованные материальные объекты (лакуны разного уровня).

3. В скоррелированных языковых моделях мира, при совпадении базовых значений слов, могут частично либо полностью не совпадать культурные значения, и в первую очередь – ценностные.

Язык, как пишет Анна Вежицкая (Вежицкая 2011:19), есть инструмент для передачи значения. Следовательно, наполнение языкового знака играет первостепенную роль. По мнению ученого (Вежицкая 2011: 27), каждый естественный язык включает в себя набор примитивов, которые совпадают в любом языке и потому могут быть отнесены к универсальному набору фундаментальных общечеловеческих концептов. Если рассматривать его как основу семантической системы языка, мы увидим, что у межкультурной коммуникации, пусть ограниченной в силу многих факторов, есть потенциал – и практический, и теоретический.

Чтобы коммуникативная дистанция между представителями разных культур сократилась, целесообразно говорить о ценностном наполнении ключевых для той или иной культуры концептов. Ценностная картина мира этноса включает, согласно В.И. Карасику (Карасик 2002: 116), общечеловеческую и специфическую части; при этом специфическая часть этой картины «сводится к различной номинативной плотности объектов и их оценочной квалификации, различной комбинаторике ценностей. В нее также входят наиболее значимые для данной культуры смыслы, культурные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке».

Навыки речевого общения формируются на основе практики налаживания коммуникативных мостов между представителями различных культур. За результат образовательного процесса ответственны преподаватели. Преодоление ментальной несовместимости – долгий и трудоемкий процесс, в котором усвоению системы ценностей отведено особое место. Это не чистая аудиторная педагогика, которая признана классической в системе высшего образования России. Это нацеленность на экстерьерную коммуникацию, при которой обучающиеся вступают в различные ситуации речевого общения с представителями русской культуры. Ориентироваться в «ментальной карте» жизненных ценностей и мотивов, предпочтений и установок, предписаний и табу последних – важное условие для достижения коммуникативных целей обучающихся. Неоценимую помощь в этом процессе оказывает представление о ценностях культуры, благодаря которому иностранцы лучше понимают, каково глубинное, имплицитное наполнение тех или иных универсалий и как этот факт влияет на поведение собеседника – коллективного или частного.

Система ценностей современного российского социума является востребованным объектом анализа научного сообщества (Абульханова, Александрова, Воловикова, Джидарьян 2007: 453; Верещагин 2000: 235-245; Дмитриева: 61-68; Дубов, Ослон, Смирнов 2003: 543-580; Журавлев, Журавлева 2007: 469; Иванов 1993: 38; Нарочницкая 2003: 121; Разин 2002: 17; Рождественский 2003: 58; Соловьев 2009: 90; Франк 1992: 174).

Любая ценность антропогена, то есть порождена человеческим сознанием и коллективным воображаемым. Таким образом, ценно то, что признано таковым в той или иной культуре на основе ретранслируемых в ней мифов, разделяемых этническим коллективом. По этому принципу, как полагает Бенедикт Андерсон,

и строятся «воображаемые сообщества». Похожее мнение выражает Ной Юваль Харари в книге *Sapiens*, называя мифологичность человеческого сознания одним из базовых условий развития вида *Homo*. «Язык вымысла позволяет человеку не просто отдаться игре воображения, а делать это всем коллективом. Мы научились сплести общую для всех мифологию: библейскую историю творения, сказания австралийских аборигенов о предначальных временах, националистические мифы современных государств. Общая мифология наделила сапиенсов небывалой способностью к гибкому сотрудничеству в больших коллективах» (Харари 2017: 33-34).

Каждая культура имеет собственную систему ценностей. Если Ноам Хомский сравнивал язык с ограниченным набором единиц и неограниченными возможностями их использования, то аксиология этноса – конечный репертуар аксиологом с множественной, палимпсестной природой интерпретации, зависящей от того, насколько глубоко исследователь стремится погрузиться в культурные слои аксиологемы. Многозначна уже сама ситуация оценивания того или иного объекта или явления действительности. Ценность – культурная фиксация положительного или отрицательного отношения коллектива к объектам материального и нематериального порядка, которая неизменно основывается на идеальных (эталонных) представлениях об устройстве мира и в результате обретает свое место в аксиологической системе координат либо как ценность (соответствие), либо как антиценность (несоответствие). Ценности всегда включают в себя компонент личной (субъективной) и коллективной значимости. Идеальная ценность есть репрезентация триединства истины, этики и эстетики. Психолингвистика (как и аксиологическая лингвистика, энолингвистика, лингвокультурология) изучает ценности как единый комплекс «язык – сознание – культура – носители языка». На базе изучения аксиологом формируются наши представления об аксиосфере культуры.

Если ценность как предмет есть исторически конкретное, вещественное либо знаковое воплощение аксиологической единицы, то ценность как отношение – это продукт деятельности активности человечества, выражающий отношение *Homo Sapiens* к миру. Истина и ложь, добро и зло, красота и уродство – это ценностные дихотомии человеческого *modus vivendi*. Ценность как идея, инвариант, и ценность как воплощение – две формы существования ценности. Любая ценность социально обусловлена. Она формируется в процессе познания и дальнейшего распределения предметов окружающего мира, каждый из которых вовлечен в сферу коллективного бытия и является фактом общественного сознания. Знание этих ценностей необходимо для избежания коммуникативных конфликтов. И даже в том случае, когда мы говорим об универсалиях, при наличии относительно стабильного смыслового ядра у каждого базисного концепта культуры (универсалии) ценностный компонент будет обусловлен языковой средой.

Этническую адаптацию общечеловеческих ценностей можно проследить на примере христианизации Руси. Продлившись пять с половиной веков, христианизация затронула лишь те страги земледельческой жизни, для которых была приемлема. Индоевропейский пантеон химерическим образом был сплавлен с новыми культурными традициями, породив феномен двоеверия. Таким образом, сформировался специфический для Руси вариант христианских ценностей.

В идеальной форме ценности отражены родовые установки коллектива. Предметно-деятельностная форма ценности направлена на экспликацию этнокультурной специфики. Важно учитывать, что ценностная сетка ЯКМ влияет на социальное поведение членов этнического коллектива, так как с базовыми аксиологемами они соизмеряют свои поступки. Общечеловеческие ценности довольно медленно изменяются во времени, они обладают константным ядром и подвижной внешней оболочкой, которая легко вбирает в себя изменения внешнего мира. Архетипическое в ценности скомбинировано с кенотипическим. В коллективном сознании ценность имеет идеальную, эталонную природу. В обыденном сознании она становится ориентиром, определяющим индивидуальную жизнедеятельность личности через систему ее целей и мотивов. Будучи образованиями ментального порядка, ценности нуждаются в знаковом овнешнении, кодовой объективации, которая может быть как вербальной, так и невербальной.

На протяжении ряда лет мы участвуем в создании каталога ценностей русской культуры. Проведенные нами исследования позволили включить в него следующие аксиологические универсалии: любовь, семья, труд, долг, здоровье, достаток, успех, образование, прогресс, родина. На уровне материально-объектных ценностей нами всесторонне проанализирован концепт «хлеб».

Для демонстрации анализа вербальных овнешнителей ОЦ продолжим изучение ОЦ *любовь*, которая представляет широко обсуждаемую ценность как на уровне общественного, так и обыденного сознания (к примеру, в национальном корпусе русского языка зафиксировано 45 340 вхождений данного слова). Мы уже обращались к этой ценности прежде (Синячкин 2009: 273-288). Путем лексикографического анализа нам удалось установить, что ценность ЛЮБОВЬ относится к универсалиям культуры, содержащим в себе как индивидуально-избирательное чувство, так и векторное движение в сторону объекта испытываемого спектра эмоций. В ценности присутствует компонент субъект-субъектности. Для своего «носителя» любовь представляет собой абсолютную ценность.

Универсальное понимание ценности «ЛЮБОВЬ» базируется на многовековых представлениях, начиная еще с доантичных времен. Дифференциальные смыслы античной трактовки этого понятия многовариантны: это и любовь-привязанность (филия), и любовь между членами коллектива – от семьи до полиса (сторге), и любовь одухотворенная (агапе), и любовь-страсть (эрос). Континуум понимания любви занимает все пространство от крайних точек оппозиции – любви плотской и любви идеальной. Другие мифологические корпуса также предлагают нам рассматривать любовь как высшую ценность, сообщающая субъекту чувства новое измерение – возвышенного и уподобленного Богу. Так, обожение – конечная цель в жизни праведного христианина.

В «Русском ассоциативном словаре» ОЦ «ЛЮБОВЬ» атрибутирована следующими сочетаниями: «ЛЮБОВЬ: с первого взгляда 9; до гроба 8; чувство 5; зля, счастье 3; безответная, горе, и голуби, к женщине, ненависть, платоническая, пришла, радость, разлука, страстная, Яровая 2; !, брань, бывает, вера, верная, вечная, вечная тема, вечность, внеочередная, глупость, горит, дерево, друга, душа, жизнь, земная, знак зодиака, и бедность, и верность, и деньги, иметь, искренняя, к жизни, к людям, красотки, крепка, к тебе, ложь, любовь, много зверей, молодость, морковь, моя,

настоящая, нежная, неземная, огромная, отлично, первая, преданность, прекрасна, прошедшая, прошла, раб, светлая, святое, секс, смерть, стоит того, чтобы ждать, страдание, страсть, с 1-го взгляда, чистая, чувства, это неприлично 1» (Караулов 2002: 303).

Проанализировав ассоциаты приведенного конгломерата, мы сделали вывод о наличии устойчивых сентенций в отношении указанной ценности, многие из которых базируются на прецедентных текстах и входят в когнитивную базу (Красных) социума.

В «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова любви дано следующее определение: «межличностное духовное отношение как проявление личного чувства и душевного согласия между людьми, как социальный долг человека и нравственное требование совести, и как благодать, ниспосланная человеку свыше – в образе страстной жажды, окрыленной надеждой. Основное содержание любви – преодоление границ собственного «Я», победа над собственным эгоизмом, бескорыстное стремление принести благо ближнему; величайшая жертва (отказ от личных интересов и страстей) оборачивается наивысшим блаженством» (Словарь русской ментальности 2014: 421).

Мы уже описывали ОЦ «ЛЮБОВЬ» с позиции психосемантического эксперимента (см. Синачкин 2009) и с помощью метода семантического дифференциала. В методических целях нам бы хотелось отметить еще один подход, который предлагает корпусная лингвистика. Количество словоформ, входящих в Национальный корпус русского языка, и количественные возможности статистического анализа делают данную базу крайне эффективной в методике преподавания РКИ. Так, знакомство с основными ценностями русской культуры (в нашем случае, ценностью «ЛЮБОВЬ») может быть таксономически распределено и внутренне структурировано.

Мы упоминали, что ценности русской культуры во многом базируются на прецедентных текстах. Помимо устного бытования, паремиологического фонда, публицистического дискурса и пр., ценности могут быть эксплицированы из единиц, входящих в поэтический корпус русского языка – литературный. Классическая русская литература прочно входит в базу знаний носителей языка. На этом основании обучающимся может быть предложен для изучения и обсуждения соответствующий список текстов, посредством которых представление о ценности «ЛЮБОВЬ» может стать наиболее полным. Приведем примеры, которые являются количественно доминирующими:

Значение	Найдено документов	Найдено словоформ
митрополит Антоний (Блум)	251	1183 (2.61%)
Л. Н. Толстой	53	772 (1.70%)
коллективный	185	485 (1.07%)
М. М. Пришвин	21	467 (1.03%)
Максим Горький	41	384 (0.85%)
Н. Э. Гейнце	10	375 (0.83%)
А. П. Чехов	65	346 (0.76%)
И. А. Гончаров	13	325 (0.72%)
М. Е. Салтыков-Щедрин	47	319 (0.70%)

Юрий Безелянский	2	305 (0.67%)
Ф. М. Достоевский	24	294 (0.65%)
М. М. Пришвин В. Д. Пришвина	1	283 (0.62%)
А. Ф. Писемский	24	281 (0.62%)
Н. М. Карамзин	30	275 (0.61%)
Н. А. Бердяев	20	274 (0.60%)

(http://search1.ruscorpora.ru/stat.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EB%FE%E1%EE%E2%FC&mode=main)

Как методист может использовать приведенные результаты? Позаимствуем из психолингвистики определение совокупного индекса яркости (СИЯ), которое характеризует относительную яркость данного значения в языковом сознании (Стернин 2017: 204).

Из таблицы мы видим, что СИЯ формируется не на основании количества документов того или иного автора, а из общего количества употребленных в его текстах словоформ искомого слова. Таким образом, квантитативный «портрет» ОЦ «ЛЮБОВЬ» предлагают нам такие авторы, как Л.Н. Толстой, М.М. Пришвин, М. Горький, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский и др. «ЛЮБОВЬ» в этих текстах может быть представлена и как ценность, и как антиценность. Квантитативная доминанта свидетельствует о том, что знакомство с интерпретацией ОЦ «ЛЮБОВЬ» сквозь призму русской культуры следует начать с произведений Л.Н. Толстого, каким бы методически сложным ни казался этот вывод. В «Лекциях по русской литературе» В.В. Набоков отметил, что именно Л.Н. Толстой сумел воплотить в своих произведениях «пульс русского времени». Русского читателя «в романе Толстого пленяет его чувство времени, удивительно созвучное нашему восприятию. <...> Именно это уникальное равновесие времени вызывает у чуткого читателя то ощущение реальности, которое он склонен приписывать остроте толстовского гения. Проза Толстого течет в такт нашему пульсу, его герои движутся в том же темпе, что прохожие под нашими окнами, пока мы сидим над книгой» (Набоков 2015: 193). По мнению Набокова, романы Толстого – одни из величайших романов о любви в мировой литературе. Но эта любовь не авантюрна; она связана с идеями высшей нравственности. Так, любовь Левина к Кити в «Анне Карениной» основана на метафизических, а не физических представлениях, «на готовности к самопожертвованию, на взаимном уважении». Любовь Анны и Вронского – это любовь физическая, а потому обреченная. Набоков пишет: «Толстого интересуют вечные проблемы. И вот его настоящий нравственный вывод: любовь не может быть только физической, ибо тогда она эгоистична, а эгоистичная любовь не созидает, а разрушает» (Набоков 2015:199). Истинно христианская любовь, по мнению Л.Н. Толстого, исполнена гармонии, чистоты, долга, нежности, правды и семейного счастья. Все эти компоненты формируют идеальное представление о ценности «ЛЮБОВЬ» для русского человека, и студентам может быть чрезвычайно полезно сопоставить две сюжетные линии романа «Анна Каренина», чтобы увидеть в любви как ценностный, так и антиценностный аспект.

В каких сферах употребления ОЦ «ЛЮБОВЬ» актуализирована наиболее полно? Национальный корпус русского языка приводит следующие данные:

Сфера функционирования	Найдено документов	Найдено словоформ
художественная	3019	21044 (46.41%)
публицистика нехудожественная	4798	16019 (35.33%)
учебно-научная нехудожественная	504	3030 (6.68%)
церковно-богословская нехудожественная	504	2615 (5.77%)
бытовая нехудожественная	293	883 (1.95%)
электронная коммуникация нехудожественная	140	805 (1.78%)
художественная проза	14	260 (0.57%)
учебно-научная публицистика нехудожественная	17	222 (0.49%)
официально-деловая нехудожественная	55	222 (0.49%)
обиходно-бытовая нехудожественная	24	66 (0.15%)

Опираясь на полученные данные, делаем вывод, что для русской культуры ОЦ «ЛЮБОВЬ» – явление преимущественно эстетического и этического порядка, то есть в первую очередь это высокое чувство (ближе к репрезентирующей это значение Афродите Урании, нежели Афродите Пандемос).

Искусство в виде художественной литературы, музыки, скульптуры, живописи, танцев создает овнешнение представлений о прекрасном, сформированных в сознании человека, т. е. искусство удваивает природу и тем самым дает возможность для эстетического переживания не только идеализированных и эстетизированных объектов, но и их знаковых отображений. Следует подчеркнуть, что произведения искусства создает не только специализированная деятельность профессионалов, но и творчество непрофессионалов, для которых их способ проживания, где они эстетизируют и идеализируют факты обыденной жизни, является часто аналогом творчества. На эту мысль, в частности, наталкивает анализ статьи «ЛЮБИТЬ» из словаря В.И. Даля, которая содержит фиксацию идеализированных и эстетизированных отношений мужчины и женщины (Синячкин 2009: 287).

Указанием на музыку, скульптуру, живопись, танцы мы вводим в круг овнешнений невербальные знаковые образования, которые, как и вербальные знаки, искажают форму отображаемых в мысли объектов, но искажают в разной степени: наибольшими деформирующими свойствами обладает, вероятно, музыка, наименьшими, очевидно, живопись и скульптура. Но повышенная символичность и неоднозначность живописи и скульптуры часто требует вербальных дополнений. По такому принципу построена книга М. Батистини «Символы и аллегории» (2007: 342).

Завершая наши рассуждения о формах существования ОЦ в русской культуре, которая является анализом форм овнешнения ОЦ, мы должны напомнить достаточно известный факт: одна и та же мысль может быть овнешнена разными знаковыми образованиями. Более интересно другое обстоятельство: многие образы сознания принципиально существуют одновременно в нескольких разнотипных вербальных и невербальных текстовых овнешнениях.

Представление о разных дискурсах для существования текстов, сформированное в лингвистике, вполне адекватно описывает факт политекстового существования одной и той же мысли. В психологии идея о множественности политекстового существования одной и той же мысли принимает форму идеи о психической

полиmodalностиовнешнения сознания и, таким образом, является онтологической рамкой для существования ОЦ в социуме. Психическая (поли)modalность означает, что одна и та же мысль может овнешняться при помощи знаков, тела которых воспринимаются разными органами чувств человека.

Анализируемые нами овнешнения ценностей, вероятно, не следует рассматривать как внешние вариативные способы существования мыслей, понимаемых в виде некоторых инвариантных содержаний (знаний). Наше сознание детерминировано, в том числе внешним (по отношению к субъекту сознания) миром, данным нам в нашем деятельностном освоении его, и поэтому его нельзя представлять независимым от внешних форм его проявления: и наше сознание, и его овнешнения детерминированы нашим взаимодействием с миром. Если идти еще дальше и включить в объект анализа не только создающего овнешнения, но и воспринимающего их, то можно утверждать, что овнешнения определяются общностью образа мира обоих коммуникантов и принципиально существуют только в диалоге их сознаний (см. аналогичные рассуждения о дискурсе как форме текста В.З. Демьянкова (1982:7).

Разные формы овнешнения одного и того же содержания, естественно, связаны с разными его осознаниями, так как внешняя форма одной и той же мысли небезразлична для ее содержания: еще Л.С. Выготский утверждал, что мысль не только оформляется в слове, но и совершается в нем.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В МЕТОДИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Для вдумчивого понимания русской культуры мы предлагаем студентам технику аксиологического анализа художественного текста. Как упоминалось выше, ценность «ЛЮБОВЬ», одну из наиболее сложных универсальных категорий языкового сознания, закономерно исследовать на материале таких произведений, как «Анна Каренина». Ценность сама по себе абстрактна.

Необходим сопровождающий контекст, который дал бы обучающимся возможность реконструировать ее самостоятельно или с помощью преподавателя. Такой контекст называют вертикальным. Исследуя текст, преподаватель дает студентам герменевтический комментарий о личности автора, исторической эпохе, нравах и обычаях времен, которые описаны в произведении. Так, ценность «ЛЮБОВЬ» для толстовского времени сопряжена с рядом атрибутирующих концептов: «ХРИСТИАНСТВО», «ДОЛГ», «ВЕРНОСТЬ», «ПОКОРНОСТЬ». Это обусловлено христианским пониманием любви, когда жена «да приклеится к мужу своему». Анализируя сюжетную линию Анны Карениной и Вронского, мы видим нарушение сразу нескольких общественно-моральных скриптов (предписаний), в результате чего делаем вывод об антиценностном наполнении ОЦ «ЛЮБОВЬ»: студенты дешифруют траекторию «Каренина – Вронский» с точки зрения таких сюжетных скреп, как ИЗМЕНА, ПРЕДАТЕЛЬСТВО, НАРУШЕНИЕ ДОЛГА, ОТХОД ОТ ХРИСТИАНСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ, ПАГУБНАЯ СТРАСТЬ. Это противопоставление любви-эроса сразу двум аспектам любви – сторге и филии. Как антитеза анализируется сюжетная линия Левина и Кити, полностью соответствующая логике вертикального контекста. Если

линия Карениной оказывается в высшей степени деструктивной и ведет к гибели героини, то линия Левина, опирающаяся на поддерживающие концепты, становится единственно приемлемой. Это любовь-привязанность, «слияние душ», которое мы рассматривали выше в словарной статье Колесова. Ее обучающиеся воспринимают и исследуют как модель отношений, как своеобразный эталон, существующий в русской языковой культуре. В качестве дополнительного стимула преподаватель дает студентам классические иллюстрации романа, сделанные Л. Пастернаком. В зарисовках поз, жестов, силуэтов, движений проявлены дополнительные внешние признаки анализируемого концепта.

Студенты делают вывод о том, какова истинная любовь в русском языковом сознании. Она долготерпима, преданна, жертвенна. Зачастую такие семы, как жертвенность, не коррелируют с их представлениями. Требуется дополнительный сопоставительный анализ ОЦ «ЛЮБОВЬ» в разных языковых картинах мира. Преподаватель предлагает студентам самостоятельно сравнить ОЦ «ЛЮБОВЬ» в русской и иноязыковой картинах мира с тем, чтобы выделить общее и частное в каждом случае. Это становится импульсом к диалогу в русле межкультурной коммуникации, в результате которого пополняются знания о ценности «ЛЮБОВЬ» в нескольких языковых измерениях.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АБУЛЬХАНОВА, К.А., АЛЕКСАНДРОВА, Н.Л., ВОЛОВИКОВА, М.И., ДЖИДАРЬЯН, И.А. (2007): «Социальные представления и идеалы личности в период преобразования общества». *Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты*. С. 453-468.
- БАТТИСТИНИ, М. (2007): *Символы и аллегории (энциклопедия искусства)*. Омега. Москва.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А. (2011): *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва.
- ВЕРЕЩАГИН, Е.М. (2000): *Об относительности мирской этической нормы. Логический анализ языка: языки этики*. Москва.
- ДЕМЬЯНКОВ, В.З. (1982): *Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста*. Москва.
- ДМИТРИЕВА, Н.М. (2005): «Духовно-нравственная лексика в языке сельской молодежи», *Русская речь*. №5. С. 61-68.
- ДУБОВ, И., ОСЛОН, А., СМИРНОВ, Л. (2003): «Экспериментальное исследование ценностей в российском обществе». В кн.: *Десять лет социологических наблюдений*. Институт Фонда «Общественное мнение». Москва.
- ЖУРАВЛЕВ, А.Л., ЖУРАВЛЕВА, Н.А. (2007): «Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в изменяющемся российском обществе». *Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты*. С. 469-489.
- ИВАНОВ, А.В. (1993): *Запад – Россия – Восток (сравнительно-типологический анализ познавательных стратегий и ценностных ориентаций)*. Москва.
- КАРАСИК, В.И. (2002): *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград.

- КАРАУЛОВ, Ю.Н., СОРОКИН, Ю.А., ТАРАСОВ, Е.Ф., УФИМЦЕВА, Н.В., ЧЕРКАСОВА, Г.А. (2002): *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Москва.
- КОЛЕСОВ, В.В., КОЛЕСОВА, Д.В., ХАРИТОНОВ, А.А. (2014): *Словарь русской ментальности*. В 2 т. Т.1. А – О. Санкт-Петербург.
- ЛОТТО, Б. (2018): *Преломление. Наука видит иначе*. Москва.
- НАБОКОВ, В.В. (2016): *Лекции по русской литературе*. Санкт-Петербург.
- НАРОЧНИЦКАЯ, Н.А. (2003): *Россия и русские в мировой истории*. Москва.
- РАЗИН, А.В. (2002): *Этика: история и теория*. Москва.
- РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Ю.В. (2003): *Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика*. 2-е изд. Москва.
- СИНЯЧКИН, В.П. (2009). «Формы существования общечеловеческих ценностей в русской культуре». *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, (10-2). С. 273-288.
- СОЛОВЬЕВ, В.М. (2009): *Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии. Книга для чтения о русском национальном характере для изучающих русский язык как иностранный*. Москва.
- СТЕРНИН, И.А. (2017). Лексикографическое представление психолингвистического значения слова. *Русистика*. 15(2). С. 204-214. doi: 10.22363/2313-2264-2017-15-2-204-214
- ТЕР-МИНАСОВА, С.Г. (2016): «Учитель, ученик, учебник в современной России». *Учитель, ученик, учебник: материалы VIII международной научно-практической конференции: сб. ст. Т. I*. Москва. С. 14-23.
- ФРАНК, С.Л. (1992): *Духовные основы общества*. Москва.
- ХАРАРИ, Ю.Н. (2017): *Sapiens. Краткая история человечества*. Москва.

BIBLIOGRAPHY

- ABUL'KHANOVA, K.A., ALEKSANDROVA, N.L., VOLOVIKOVA, M.I., DZHIDAR'YAN, I.A. (2007): «Sotsial'nye predstavleniya i idealy lichnosti v period preobrazovaniya obshchestva». *Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: mirovozzrencheskie i sotsiokul'turnye aspekty*. Nauka. Moskva. S. 453-468
- BATTISTINI, M. (2007): *Simvoly i allegorii (entsiklopediya iskusstva)*. Omega. Moskva
- DEM'YANKOV, V.Z. (1982): *Anglo-russkie terminy po prikladnoi lingvistike i avtomaticheskoi pererabotke teksta*. Vsesoyuznyi tsentr perevodov. Tetradi novykh terminov. Moskva.
- DMITRIEVA, N.M. (2005): «Dukhovno-nravstvennaya leksika v yazyke sel'skoi molodezhi», *Russkaya rech'*. 5. S. 61-68.
- DUBOV, I., OSLON, A., SMIRNOV, L. (2003): «Eksperimental'noe issledovanie tsennostei v rossiiskom obshchestve». V kn.: *Desyat' let sotsiologicheskikh nablyudenii*. Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie». Moskva. S. 543-580.
- FRANK, S.L. (1992): *Dukhovnye osnovy obshchestva*. Respublika. Moskva.
- IVANOV, A.V. (1993): *Zapad – Rossiya – Vostok (sravnitel'no-tipologicheskii analiz poznavatel'nykh strategii i tsennostnykh orientatsii)*. Izd-vo MGU. Moskva.
- KARASIK, V.I. (2002): *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Peremena. Volgograd.

- KARAULOV, YU.N., SOROKIN, YU.A., TARASOV, E.F., UFIMTSEVA, N.V., CHERKASOVA, G.A (2002): *Russkii assotsiativnyi slovar'*. V 2 t. OOO «Izdatel'stvo Astrel'». Moskva.
- KHARARI, YU.N. (2017): *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva*. Sindbad. Moskva.
- KOLESOV, V.V., KOLESOVA, D.V., KHARITONOV, A.A. (2014): *Slovar' russkoi mental'nosti*. V 2 t. T.1. A – O. Zlatoust. Sankt-Peterburg
- LOTTO, B. (2018): *Prelomlenie. Nauka videt' inache*. Mann, Ivanov i Ferber. Moskva.
- NABOKOV, V.V. (2016): *Lektsii po russkoi literature*. Azbuka. Sankt-Peterburg.
- NAROCHNITSKAYA, N.A. (2003): *Rossiya i russkie v mirovoi istorii*. Mezhdunarodnye otnosheniya. Moskva
- RAZIN, A.V. (2002): *Etika: istoriya i teoriya*. Akademicheskii Proekt. Moskva.
- ROZHDESTVENSKII, YU.V. (2003): *Slovar' terminov (obshcheobrazovatel'nyi tezaurus): Moral'. Nравstvennost'. Etika*. 2-e izd. Flinta: Nauka. Moskva/
- SINYACHKIN, V.P. (2009). «Formy sushchestvovaniya obshchechelovecheskikh tsennostei v russkoi kul'ture», *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (10-2). S. 273-288.
- SOLOV'EV, V.M. (2009): *Tainy russkoi dushi. Voprosy. Otvety. Versii. Kniga dlya chteniya o russkom natsional'nom kharaktere dlya izuchayushchikh russkii yazyk kak inostrannyi*. Russkii yazyk. Kursy. Moskva.
- STERNIN, I.A. (2017). Leksikograficheskoe predstavlenie psikholingvisticheskogo znacheniya slova. *Rusistika*. 15(2). S. 204-214. doi: 10.22363/2313-2264-2017-15-2-204-214
- TER-MINASOVA, S.G. (2016): «Uchitel', uchenik, uchebnik v sovremennoi Rossii». *Uchitel', uchenik, uchebnik: materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: sb. st. T. 1 / otv. red. I.L. Lebedeva*. Universitetskaya kniga. Moskva. S. 14-23.
- VERESHCHAGIN, E.M. (2000): *Ob otnositel'nosti mirskoi eticheskoi normy. Logicheskii analiz yazyka: yazyki etiki*. Yazyki russkoi kul'tury. Moskva.
- VEZHBITSKAYA, A. (2011): *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty*. Yazyki slavyanskikh kul'tur. Moskva.
- ZHURAVLEV, A.L., ZHURAVLEVA, N.A. (2007): «Novye tendentsii v tsennostnykh orientatsiyakh lichnosti v izmenyayushchemsya rossiiskom obshchestve». *Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: mirovozzrencheskie i sotsiokul'turnye aspekty*. Nauka. Moskva. S. 469-489.